

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ: ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

DOI: 10.47026/2712-9454-2022-3-4-5-16

УДК 94:355.27(470.344)«1914»
ББК ТЗ(Рос.)534-68

С.Н. БЛИНЯЕВ

СОЛДАТСКИЕ БЕСПОРЯДКИ ВО ВРЕМЯ ПРОВЕДЕНИЯ МОБИЛИЗАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ТАТАРСТАНА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (по документам Государственного архива Республики Татарстан)

***Ключевые слова:** Казанская губерния, мобилизация, девиантное поведение, массовые беспорядки, абреакция, погромы винных лавок, теория функционального этнического конфликта, теория социального конфликта.*

Целью публикации является восстановление событийной и этнопсихологической сторон проведения мобилизации 1914 г. в Казанской губернии в пределах территорий, административно входящих на данный момент в состав Республики Татарстан. Новизной работы представляется изучение вопроса солдатских волнений и противоправных действий других социальных слоев Казанской губернии в период проведения солдатского призыва в июле 1914 г. На основе неопубликованных архивных источников Государственного архива Республики Татарстан исследованы аспекты вопроса координации действий силовых и городских государственных структур в лице городского самоуправления и местного военного руководства с различными этническими и социальными группами местного населения при проведении солдатского призыва в начале Первой мировой войны. Рассмотрена деструктивная составляющая солдатских волнений и беспорядков в контексте теории социального конфликта политолога Т. Скочпол и концепции функционального внутриэтнического конфликта культуролога, социолога и этнолога С.В. Лурье. Освещены вопросы динамики выражения девиантного поведения призванных военнослужащих в Казанском, Лаишевском, Спасском и Чистопольском уездах Казанской губернии. Уделено внимание социальным, этническим, психологическим и религиозным мотивам беспорядков нижних чинов на территории региона. Изучен такой немаловажный аспект проблемы, как причины неблагоприятного прохождения мобилизации в границах губернии в начале войны. В статье выявляется и затрагивается вопрос основных форм социальной агрессии солдатских масс, спусковым механизмом которой стало введение «сухого закона».

Исследование разных аспектов истории российской глубинки на примере особенностей проведения мобилизации 1914 г. в Казанской губернии актуально потому, что оно позволяет установить скрытые пружины социально-экономического, политического и духовного кризиса внутри России, которые в итоге обусловили крушение монархии и невыносимые бедствия в стране.

В данной статье автор ставит цель реконструировать событийную и этно-психологическую стороны проведения призывной компании на территории Казанской губернии, как крупного тылового района в начале Первой мировой войны, главным образом тех ее частей, которые в настоящее время входят территориально в состав Республики Татарстан.

Необходимо отметить, что статья является продолжением цикла публикаций автора, посвященных солдатским бунтам во время проведения мобилизации и введения «сухого закона» в пределах губернии в годы Первой мировой войны [3, 4]. В первой статье были рассмотрены предпосылки, причины и последствия введения «сухого закона» в начале войны, во второй – историография и актуальность темы.

Краеугольным камнем нашей работы является анализ впервые вводимых в научный оборот архивных документов фонда № 1 Государственного архива Республики Татарстан (ГА РТ). Новизной работы является изучение вопроса солдатских беспорядков, волнений и противозаконных действий других социальных слоев Казанской губернии в период проведения солдатского призыва в июле 1914 г.

В качестве теоретической базы исследования при рассмотрении проблемы в рамках междисциплинарного подхода будут использоваться некоторые положения теории социального конфликта в интерпретации американского социолога, политолога, профессора Гарвардского университета Т. Скочпол и концепции функционального внутриэтнического конфликта культуролога, социолога и этнолога С.В. Лурье.

Согласно научным взглядам Т. Скочпол, являющейся одним из крупнейших исторических макросоциологов и специалистов в области теории революций и государственных распадов, в России, как и во Франции, крестьянское сельское собрание (сход), относительно самостоятельное по отношению к внешнему контролю, обеспечивало организационную основу для автономных и спонтанных бунтов. При этом изучение социально-экономических и политических структур дореволюционных Китая, России и Франции базируется на веберовском и марксистском подходах, без принятия целиком их концептуальных построений [11].

Принципиальные положения теории С.В. Лурье отражены в ее работах, суть которых можно свести к следующему:

1) способ активности этноса в мире – это содержание «центральной зоны» данной этнической культуры, т.е. устойчивые представления о характере и условиях действия, присущих народу;

2) первое (народный этатизм – буквально государственничество от фр. *état* «государство») и второе («мирской» дух – общинность) являются внешними проявлениями этнических констант русского народа;

3) каждый народ имеет свой особый набор этнических констант (ценностных ориентаций), определяющий собой способ функционирования этноса;

4) в русской истории состояние смуты было функциональным кризисом, периодически повторяющимся явлением, вызванным несовпадением официальных государственных и народных установок, являющимся временным нарушением трансфера (переноса образа);

5) по преимуществу конфликтность русского этноса внутренняя: он интегрирует (переносит вовнутрь) внешнюю конфликтность и стремится нейтрализовать ее;

б) для русских, под которыми подразумевается народ России, характерна устойчивость внутренних альтернатив, которая служит механизмом для отреагирования (абреакции, разрядки или выброса избытка сдерживаемых эмоций) интериоризированных конфликтов, которые как бы проигрываются внутри самих себя [8]. В настоящей публикации под русскими будут пониматься не только великороссы, но и представители чувашского, татарского народа, принимавшие участие в солдатских беспорядках на территории Казанской губернии, а под солдатскими волнениями подразумеваться массовые погромы, имеющие криминальный характер, или, говоря юридическим языком, классическое соучастие в преступлении в виде соисполнительства [1. С. 103].

Казанская губерния состояла из 12 уездов, самыми обширными из которых по пространству были Чистопольский и Царевококшайский, а самыми малыми – Свяжский и Ядринский. Многонациональный состав ее населения являлся важнейшей особенностью Казанской губернии, где 60% населения губернии составляли нерусские народы края – чуваша (22,2%), татары (31,3%), марийцы (5,3%), мордва (1,1%), удмурты (0,4%) [9].

Казань являлась центром крупнейшего военного округа, где были сосредоточены все главные военные организации и учреждения. Округ включал в себя 98 гарнизонов, размещенных на территории 2 областей и 10 губерний. С началом войны Казанская губерния стала одним из самых больших поставщиков живой силы на фронт, а Казанский округ превратился в крупную базу снабжения армии обмундированием, снаряжением и вооружением [7].

Жесткие меры по нейтрализации радикально настроенных сил в казанском обществе и полувоенное положение предшествующего десятилетия привели местную политическую жизнь к определенному «повиновению». Только сильнейший внешний фактор мог вывести ее из состояния равновесия (что и произошло в 1917 г.). Губерния была объявлена на положении усиленной (чрезвычайной) охраны, а затем и на военном, в связи с чем prerogatives и полномочия губернатора значительно расширились. Дела о некоторых видах проступков и преступлений изымались из общей подсудности и передавались в юрисдикцию военного суда. Казанский губернатор получал право издавать обязательные постановления (практика их использования сложилась еще в условиях борьбы с революционным движением), устанавливающие новые предписания.

17 июля 1914 г. Казанский губернатор П.В. Боярский, получив из центра секретную шифротелеграмму о начале мобилизации, отдал приказ за № 18016 начальнику штаба Казанского военного округа (далее – КВО) назначить в помощь городской полиции патруль из 100 человек пехоты «с ружьями» для поддержания и обеспечения порядка и «спокойствия» на сборных пунктах города Казани, во время сосредоточения там нижних чинов запаса, призванных на действительную службу по объявлении мобилизации [6. Л. 26]. На территории Казанской губернии вводился «сухой закон» – запрет на продажу и употребление спиртного, в том числе во время следования по пути железнодорожных воинских эшелонов и стоянки пароходов [6. Л. 32].

18 июля начальник КВО уведомил Казанского губернатора отношением за № 6990 о том, что будет высылать по первому требованию Казанского полицеймейстера вооруженные отряды солдат 161-го пехотного Александропольского полка в следующие пункты: 25 человек для 1-го и 20 человек для 6-й полицейских частей. От 162-го пехотного Ахалцыхского полка следовало направить:

по 10 человек для 2-й и 3-й полицейских частей; 20 человек для 4-й и 15 человек для 5-й полицейских частей [6. Л. 35].

Уже 21 июля от Чистопольского уездного исправника Лаврентьева на имя губернатора пришла тревожная телеграмма: «Запасные волнуются, просят водки, задержка отправки. Разрешите отпустить водки». В ответ ему был дан четкий приказ: имея стражу и местную конвойную команду, принять решительные меры к предотвращению беспорядков, а запасным нижним чинам объявить, что продажа спиртных напитков воспрещена. Далее указывалось, что в целях «недопущения» разгрома винных лавок «окарауливать» их, а сидельцев обязать снять вывески и поставить на них крепкие запоры. В тот же день исправникам Казанской губернии был дан приказ при следовании команд призванных избегать ночлега вблизи винных лавок и «отправлять запасных грунтовыми дорогами, уменьшая партии». Лаишевскому уездному исправнику телеграммой за № 358 было предписано отправить на помощь Лаврентьеву 10 стражников, но сделать этого он не смог из-за начавшихся в его уезде беспорядков [6. Л. 39–42, 69].

Тем временем события в Чистополе (ныне город в Республике Татарстан) стали приобретать опасный характер. В городе сосредоточилось до 8 тыс. призывников, а с провожающими их родственниками скопилось до 30 тыс. человек. Основную массу запасных нижних чинов составляли крестьяне. После запрета властей на распитие «горячительных напитков» началась абреакция напряжения многотысячной толпы, которая воспринимала это как нарушение традиционного ритуала проводов, имевшего экзистенциальный характер. Пьяная «гульба» знаменовала собой переход крестьянина из одного социального состояния в другое и являлась обязательным элементом проводов в армию рекрутов. Психоментальное противоречие стало спусковым механизмом начала внутриэтнического конфликта, когда желание запасных нижних чинов и их родственников погулять вволю со спиртным натолкнулось на установку дисциплины со стороны полицейских и военных органов управления города [6. Л. 319–320].

Реакция толпы была непредсказуемой и проходила по следующему сценарию. В 9 часов утра 21 июля около 4 тыс. запасных солдат, недовольных и утомленных многодневным пребыванием в городе в условиях отсутствия пищи, ночлега и возможности выпить спиртное, двинулась по Старо-Казематной улице в сторону винной лавки, расположенной рядом со сборным пунктом. В массе солдат мгновенно нашелся «подстрекатель беспорядков». Им оказался запасной нижний чин Федор Власов, житель дер. Солдатские Челны. Угрозы раздраженной толпы расправиться с полицией вскоре переросли в открытое столкновение с ней. Вызывающе дерзкое поведение запасных воинов вылилось в нанесение побоев городовому Волкову. Затем они стали кидать камни «в полицейских чинов», в результате чего один из них попал в урядника Данеева и нанес ему травму [6. Л. 183, 319–321об.].

Сборище запасных стремилось устроить погром винной лавки. Позже, по свидетельству Волкова, в ней раздавались выкрики: «А тогда как пойдём громить их. Братцы, пойдём за мной, куда я вас поведу, а на войну не пойдём», после чего были разбиты прилавки квасников, торговавших напитком на сборном пункте. Только решительные действия Чистопольского уездного воинского начальника полковника К.А. Погосского, приказавшего конным стражникам разогнать толпу нагайками, смогли переломить ситуацию и водворить порядок до конца проведения мобилизации. После упорного сопротивления незаконный сбор солдат был рассеян. Символично, что среди зачинщиков «солдатского

бунта» был и 1 рядовой сопровождающей команды 162-го пехотного Ахалцыхского полка. Оба виновника беспорядков были арестованы и отправлены в Казань для предания суду военного трибунала [6. Л. 46, 183, 320–323].

Итог происшедшему в Чистополе подвел в своем секретном рапорте на имя губернатора начальник Казанского главного жандармского управления (далее КГЖУ): «В г. Чистополе запасные нижние чины стали держаться вызывающе и дерзко и стали заявлять, что они голодные и им не дают ночлега». Далее он констатировал, что недовольство толпы выплеснулось в «упомянутую форму» благодаря нераспорядительности «врио уездного воинского начальника штабс-капитана Кнусевича», который, вместо того, чтобы отправить нижних чинов в Казань 20-го числа, задержал их до 23 июля [6. Л. 184–184об.].

Необходимо отметить, что фактором радикализации массовых настроений стала эмансипация деревни, способствовавшая распространению среди крестьян стереотипов и норм деструктивного поведения. Концентрация людей в населенном пункте сама по себе препятствовала эффективному удовлетворению повседневных потребностей, что в условиях препятствий для реализации поведенческих стереотипов традиционного общества приводило к угрозе активизации социальных форм массовой агрессии [10. С. 118]. Низкое качество пищи, плохая укомплектованность сборных пунктов и необходимость для татарского населения в период Рамадана – мусульманского поста – питаться из общего котла были факторами, служившими поводами для недовольства мобилизованных солдат. Опасности и бедствия, которые несла с собой война, являлись поводом для спонтанного протеста части призывников против предвидимого ухудшения положения их семей [5].

Возвращаясь к описанию массовых беспорядков на территории нынешнего Татарстана, отметим тот факт, что особо тревожная ситуация сложилась в Лаишевском уезде губернии. По словам Лаишевского уездного исправника Годяева волнения произошли вследствие беспорядочной отправки и «дефектов при формировании эшелонов» из Чистополя. Негативными факторами, усугублявшими ситуацию, были отсутствие надзора начальников команд над подчиненными, продовольственного обеспечения личного состава, фуража для лошадей и мест ночлега. К этому добавлялись бессистемное следование команд запасных, почти полное отсутствие кадровых офицеров при сопровождении маршевых колонн. В помощь исправнику из Казани были отправлены офицер стражи ротмистр И.И. Красовский, чиновник по поручениям Чупров и 24 конных городовых [6. Л. 112–114, 133].

Бездеятельность «партионных» унтер-офицеров (начальников сопровождаемых команд), их некомпетентность и незнание людей в лицо привели к эксцессам при прохождении помещичьих имений. Маршевые колонны, следовавшие из Чистопольского уезда, насчитывали около 3 тыс. человек. Началось с того, что солдаты стали забирать придорожное сено, заходить в усадьбы, прося денег и фураж. 21 июля в с. Большие Кабаны Столбищенской волости вошли 2 партии запасных общей численностью 522 человека. Около 100 человек подошли к местной винной лавке и потребовали отпустить им вина за деньги. Когда в их просьбе было отказано, несколько солдат сняли с петель питейного заведения дверь и растащили все находившееся в ней вино на сумму 579 руб. 43 коп. Затем запасные нижние чины при участии нескольких жителей села «перепились до совершенно пьяного состояния». В результате расследования подозрение в совершении хищения пало на «запасных» из крестьян д. Татарское

Алкино Х. Шафиуллина, М. Хайруллина, д. Старый Чувашский Адам С. Гиматдинова, д. Шахмайкино И. Ильязова, К. Мухамадеева, Р. и Ф. Салахутдиновых, д. Чертушкино М. Галиуллина, д. Тахтала Г. Мухамадиярова, с. Ново-Шемшинское Б.М. Лазарева, с. Большие Кабаны Г. и С. Ледневых и П. Косарева. Все они были уличены в хищении приказчиком винной лавки Семеном Цыгановым, у которого были украдены личные вещи: пальто, «ботинки с голышами», 5 куриц и банка с вареньем. Всего на сумму 21 руб. 20 коп. При проведении обысков было найдено только 2 ведра вина. Кроме того, из кружки для пожертвований в пользу Красного Креста и слепых, находившейся в винном магазине, исчезли деньги в размере около рубля [6. Л. 133, 144–144об.].

22 июля в селе Тюлячи Больше-Кибяк-Козинской волости Лаишевского уезда была разграблена винная лавка запасными нижними чинами Мамадышского уезда, проходившими через него [6. Л. 104]. 25 июля питейное заведение подверглась вторичному расхищению, в результате чего было украдено около 50 ведер водки. Как сказано в документе, совершили кражу «запасные нижние чины Лаишевского уезда, преимущественно татары». За разгром лавки было задержано 6 человек [6. Л. 182, 212].

В связи с происшедшими в селах Большие Кабаны и Тюлячи событиями необходимо упомянуть об «особом» отношении мусульманского населения к войне. Для него участие в войне с турками было недопустимо, так как означало выступление с оружием в руках против единоверцев. Следствием этого было уклонение от службы, ставшее массовым явлением к осени 1915 г. Основным способом избегания мобилизации здесь стало членовредительство [12. С. 668]. В то же время русские и остальная часть «инородческого» населения (к примеру, чувашаи, мордва), как сообщали жандармы, относились к мобилизации спокойно [10. С. 168].

Среди архивных документов нами было найдено донесение начальника КГЖУ № 10216 от 11 августа 1914 г. на имя Казанского губернатора, в котором говорилось о том, что призванные из деревень запасные нижние чины, большей частью татары, ропщут «по случаю того, что им не дают обмундирования и сапог, им приходится ходить в совершенно разношенных лаптях и одних портянках на стрельбу и занятия, почему многие заболели лихорадкой» [6. Л. 353].

С 22 июля события во многих помещичьих имениях, через которые проходили партии мобилизованных из Чистопольского уезда, приобрели явно уголовный характер. Так, с 22 по 26 июля запасные чины поджигали имение Лаишевского предводителя дворянства А.А. Лебедева. В первый же день у деревни Обухово Державинской волости Лаишевского уезда на лугах, принадлежавших помещику, были сожжены 4 стога сена. Затем были произведены «насилия, грабежи» и поджоги в разных местах помещичьего хозяйства. В одной версте от селения сгорели две лесных караулки. При этом тушить пожар «громилы» не позволяли [6. Л. 162, 166, 171, 180]. Всего через владения землевладельца прошло около 2400 человек. Главным зачинщиком беспорядков был житель Красноярской волости Чистопольского уезда С. Мухаметшин. После оказанного сопротивления он был арестован ротмистром И.И. Красовским и препровожден в Казань. В «буйстве» было замечено еще 17 человек. Символично, что в поджогах имения принимали участие и местные крестьяне. Обстановка была драматичной, что выразилось в словах телеграммы А.А. Лебедева на имя губернатора: «Положение более чем серьезное, нежели Вы полагаете» [6. Л. 162, 166, 175–175об., 180].

Следующим объектом нападения, которому он подвергался дважды с 22 по 25 июля, стало имение товарища министра иностранных дел А.А. Нератова. 8 запасных чинов разбили в усадьбе 5 оконных стекол, в доме управляющего выбили их все, затем ворвались в «барский дом» и стали вымогать у управляющего именем Митягина 1 тыс. руб. С перепугу последний отдал им 300 руб. Кроме того, нападавшие забрали кастрюлю и пальто кухарки. Испугавшись набата, призывавшего на помощь местных крестьян, вымогатели ускакали на лошадях, прибыли в Казань, где были задержаны и преданы суду [6. Л. 126–127, 135, 166, 180].

На этом поборы и грабежи не закончились. Поочередно шантажисты из разных команд запасных «навестили» усадьбы помещиков, обрусевших немцев: «дачу» прокурора Казанской судебной палаты В.А. Бальца, где у него забрали 25 руб., имения З.М. Тилле и Френцель. Под угрозой поджога имения Тилле конторщик В. Иванов отдал вымогателям 15 руб. [6. Л. 127, 180–181]. В имении Френцель разорили сад «шпиона-немца», намереваясь разгромить и саму усадьбу [6. С. 47]. Помешало осуществлению этого «патриотического» плана лишь вмешательство уездного исправника Годяева. Окруженный несколькими сотнями запасных солдат исправник предложил им зарубить его собственной же шашкой, «лишь бы не видеть такую мерзость со стороны русского солдата, идущего на войну и безобразящего на родине». После этого солдаты успокоились. В Лаишевском уезде у села Державино подверглось нападению также имение Казанкина «Кондауровка», где нижние чины вели себя вызывающе и забирали по дороге «даже живых кур» [6. Л. 127, 180–181].

23 июля при проходе мобилизованных команды Мамадышского уезда № 301 через с. Пановка, владельцем имения в котором являлся помещик Н.П. Берстель, нижний чин из крестьян д. Ахманово И. Гибадуллин, «будучи пьян, позволил себе буйствовать, врваться в квартиры жителей и с дерзостью требовать денег», затем был задержан и передан в распоряжение Лаишевского уездного воинского начальника. На следующий день мобилизованные в селе забросали земскую больницу камнями и выбили несколько стекол [6. Л. 233].

Неудивительно, что ксенофобия, шпиономания и шовинизм местного населения по отношению к лицам немецкого происхождения в начале войны на территории региона вылились в погромы крупных «немецких» помещичьих хозяйств. Это обуславливалось раздражением и озлоблением местных аграриев, страдавших от малоземелья [2. С. 48].

24 июля в с. Рождествено продавщица казенной винной лавки вопреки запрету производить торговлю вином «по требованию запасных отперла лавку и продала вино за деньги». 25 июля старший унтер-офицер Рыхлевич, прибыв с командой № 323 Чистопольского уезда в с. Алексеевское в состоянии алкогольного опьянения, отказался оплатить крестьянам с. Татарская Багана провоз мобилизованных. Сумма за использование 65 подвод на расстояние 18 верст составила 46 руб. 80 коп. При требовании уплаты он вынул штык, размахивал им, матерно ругался, затем «ссадил себе штыком рану на щеке и уехал в Казань» [6. Л. 233–234].

Последние происшествия на территории Лаишевского уезда произошли в с. Каипы 26 июля. За пьяный «дебош» были арестованы нижние чины крестьяне д. Никулово А. Галиуллин (команда № 324) и дер. Муслюмкино Ш. Миннивалеев. Суть проступков арестованных была в том, что первый из них криками оставивал партию, оскорблял ротмистра конной стражи Красовского матерными

словами, «замахивался на него колом», а второй ударил хворостиной конного стражника Новикова [б. л. 233–234].

Несколько происшествий в связи с мобилизацией произошли в других районах нынешнего Татарстана. В г. Спасск (ныне г. Болгар), центре одноименного уезда, 22 июля мобилизованные также требовали открытия винных лавок. Согласно донесению пунктового унтер-офицера Г. Степанова начальнику КГЖУ, призванные «ругали полицию площадными словами», оскорбили урядника Латыпова, нанесли легкие побои члену Спасской городской управы Смородинову, а в проезжавшего стражника Ложкина из толпы было брошено 2 квасные бутылки, которые, правда, в него не попали [б. л. 203].

Первое по времени и единственное происшествие в Казанском уезде произошло 20 июля в с. Столбищи. Следовавшая направлением в Казань и прибывшая в село команда № 316 Лаишевского уезда направилась к казенной винной лавке, разбила стекла, вышибла запоры из дверей и ворвалась в нее, разграбив там крепких спиртных напитков на сумму 281 руб. 80 коп. По этому случаю в телеграмме Казанского губернатора П.М. Боярского на имя начальника Казанской местной бригады от 26 июля 1914 г. было сказано: «Команда эта следовала под присмотром партионного начальника Гудочкина, которому известны все зачинщики и подстрекатели совершенного преступления» [б. л. 168].

Неспокойно во время мобилизации было и в губернском городе Казань. Здесь источником социального напряжения стали прибывшие в город крестьяне Казанской губернии. По военно-конской повинности у них были реквизированы лошади, поэтому в город они пришли за расчетом, собравшись у здания Казанского губернского казначейства. Всего здесь собралось около 2 тыс. человек. Из-за резкого наплыва числа посетителей и ограниченного числа работников создавалась нервная обстановка. Люди ожидали своей очереди по 3-4 дня. По донесению начальника КГЖУ на имя губернатора 23 июля многотысячная толпа крестьян начала «буйнить», пыталась «с криками на ура ворваться внутрь помещения казначейства» и потребовать скорейшего расчета с ними. Силами общей полиции крестьяне вновь были оттеснены на улицу, а внутри здания был выставлен военный караул. Благодаря усилиям работников казначейства требования людей в тот же день были удовлетворены, выдача денег была завершена в 11 часов ночи. Все это стало возможным благодаря самоотверженному труду старшего кассира казначейства Критского и кассира приходного отделения Софоклова [б. л. 152–154об.].

Не все ладно было в Казани и с дисциплиной нижних чинов запаса и действительной службы. Согласно донесению вахмистра Лызина на имя начальника КГЖУ от 25 июля 1914 г., им были замечены случаи несоблюдения субординации по отношению к офицерам. По его словам, рядовые солдаты в вагонах трамваев занимают места как 2-го класса, так и 1-го класса, предназначавшиеся для офицеров. Не уступают им мест, поэтому те вынуждены стоять в вагоне и на площадке. При этом, по замечанию Лызина, «со стороны господ офицеров им не делается никаких замечаний» [б. л. 203–203об.].

Не обошлось без эксцессов и на водном транспорте. Здесь нами зафиксированы два случая беспорядков, произведенных мобилизованными. Оба происшествия произошли на пароходах Акционерного общества «Иван Любимов и К°». Первый инцидент случился 23 июля при курсировании судна по маршруту Екатеринбург – Казань, второй – 25 июля при сплаве по трассе Пермь – Нижний Новгород [б. л. 146, 219].

Суть первого происшествия заключалась в том, что находившийся на судне запасной рядовой 64-го пехотного Казанского полка И.С. Митрюков, 26 лет, из крестьян с. Муратово Ульяновской волости Свияжского уезда стал подбивать к неповиновению властям общавшихся с ним призывников татар. Им он говорил: «Какой ... едете и идете воевать, ... вашу мать, нужно войну открыть здесь в России». Пытаясь предотвратить волнения, в ситуацию вмешались младший унтер-офицер из мещан г. Лаишева Я.И. Корчагин и ефрейтор из крестьян И.А. Спиридонов. При задержании Митрюков оказал отчаянное сопротивление, пытаясь нанести Спиридонову удар перочинным ножом, но был обезоружен. Арестованный был доставлен в 6-ю полицейскую часть, где в результате дознания было выяснено, что Митрюков не явился на сборный пункт по мобилизации и считается уклонистом от службы [6. Л. 146–146об.].

Во втором случае против «буйства» 6 нижних чинов из Лаишевского уезда пришлось применять брандспойт. Все они были связаны веревками до передачи их Казанскому полицмейстеру. Зачинщиками бунта оказались С. Хисумутдинов, З. Сибигатуллин, Г. Гиматутдинов, Х. Серазетдинов, М. Валеев и Г. Гититуплин [6. Л. 219].

Подводя итоги, необходимо сказать, что Казань являлась центром формирования и обеспечения вооружением, снаряжением и амуницией регулярных армейских частей и ополченческих дружин со всеми вытекающими из этого трудностями. Важнейшая проблема мобилизации состояла в органичном соединении действий низовой крестьянской самоорганизации и целенаправленных усилий государства, которые дополнялись и корректировались по мере проведения призыва. Используя теорию социального конфликта, можно утверждать, что неадекватные организационные усилия военно-чиновничьих структур (нецелеобразность, равнодушие, нерачительность, леность) заводали процесс самоорганизации в силу амбивалентности крестьянского сознания в деструктивное русло и приводили к эксцессам. Сверхсильные переживания, спровоцированные ощущением неизбежности или возможности физической гибели, снимали многие ограничительные запреты на поведенческие нормы патриархального общества.

На территории Казанской губернии основными очагами противоправных действий мобилизованных солдат в административных границах нынешнего Татарстана стали Лаишевский и Чистопольский уезды. В остальных уездах властям в основном удалось удержать ситуацию под контролем. По характеру можно выделить следующие типы погромных и противозаконных действий: разгромы и расхищения винных и торговых лавок, поджоги имений, кражи, вымогательство денег, открытое противодействие властям, уклонение от службы.

На наш взгляд, волнения призывников стали возможными, помимо психоментальных факторов, вследствие комплекса причин – просчетов и непрофессионализма властей разного уровня в организации такого сложного процесса, как мобилизация. К ним относились такие факторы, как длительное пребывание призывников на сборных пунктах в условиях отсутствия нормальных бытовых условий и питания, нехватка опытных кадровых офицеров, бессистемность следования воинских эшелонов и маршевых колонн, отсутствие контроля партийных начальников над личным составом.

Образ жизни населения Казанской губернии изменялся под воздействием неблагоприятных факторов, к которым относились выявленная слабость военных и правоохранительных структур, наплыв в город чуждого, неконтролируемого, подчас нетрезвого, контингента, вызывающий рефлексорное опасения

жителей за себя, безнаказанное причинение вреда путем погрома торговых заведений имуществу обывателей. Для основной массы мобилизованных непонятны были причины войны, отсутствовали представления о ее необходимости, поскольку большинство российских крестьян не отождествляли свои местные интересы с национальными интересами государства. К тому же мобилизация проходила в пору сенокосной страды.

Используя теорию С.В. Лурье, можно сделать вывод о том, что функциональный конфликт бессознателен, т.е. народ воспринимает его лишь как идеологическую конфронтацию, имеющую рациональное объяснение, а процесс нейтрализации разрушительных импульсов путем направления их в социально приемлемое русло в отношениях между внешним миром и этносом, его отреагирование через функциональную смуту остаются за рамками сознания народа. Поэтому внутриэтнический конфликт с заданным алгоритмом протекания определен этническими константами русских, заложен в саму структуру «центральной зоны» их культуры, являясь структурообразующим для каждого случая их этнической самоорганизации.

Ксенофобия, шпиономания и шовинизм местного населения по отношению к лицам немецкого происхождения в годы войны на территории региона вылились в погромы крупных «немецких» помещичьих хозяйств.

В конечном итоге мобилизация на территории Татарстана способствовала усилению миграционной активности населения, перемещению его значительной части и создавала почву для возникновения массовых форм деструктивного поведения.

Литература и источники

1. *Акимов В.Т.* Исторический экскурс в проблематику массовых беспорядков // Вестник науки и образования. 2019. № 10-4 (64). С. 100–104.

2. *Алексеев И.А.* «При малейших попытках учинить уличные беспорядки ... виновные в том будут задерживаться, и предаваться суду» (Из истории предотвращения немецкого погрома в Казани в начале Первой мировой войны) // АНКО. 2007. № 1(11). С. 45–50.

3. *Блиняев С.Н., Широков О.Н.* Историография проблемы солдатских волнений во время проведения мобилизации в годы Первой мировой войны // Исторический поиск. 2021. Т. 2, № 3. С. 59–68.

4. *Блиняев С.Н., Широков О.Н.* Введение «сухого закона» в Казанской губернии в годы Первой мировой войны // Ученые записки Казанского университета. 2018. Т. 160, кн. 3. С. 665–676.

5. *Гадельшин И.З.* Мобилизация в армии населения Башкирии в годы Первой мировой войны // Новые российские гуманитарные исследования. 2008. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/124/> (дата обращения: 23.10.2022).

6. Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 1. Оп. 4. Д. 5735.

7. История Татарстана (1900–1995 гг.). Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 1997. 41 с.

8. *Лурье С.В.* Метаморфозы традиционного сознания. Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала. СПб.: Тип. им. Котлякова, 1994. 288 с.

9. *Низамова М.С.* Деятельность Чистопольского земского самоуправления в конце XIX – начале XX вв. [Электронный ресурс]. URL: <https://chisto-muzei.ru/2014/03/deyatelnost-chistopolskogo-zemskogo-samoupravleniya-v-konce-xix-nachale-xx-vv/> (дата обращения: 25.10.2022).

10. Первая мировая война и военно-мобилизационные мероприятия в Среднем Поволжье и Центральном Черноземье / под ред. М.М. Есиковой, П.С. Кабытова, К.В. Самохина. М.: Новый хронограф, 2015. 288 с.

11. Скочпол Т. Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. 552 с.

12. Фадеев Д.И. Уклонение от воинской службы в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) в Казанской и Симбирской губерниях // Молодой ученый. 2015. № 19(99). С. 667–670.

БЛИНЯЕВ СЕМЕН НИКОЛАЕВИЧ – кандидат исторических наук, учитель истории и обществознания, Средняя общеобразовательная школа № 19, Россия, Чебоксары (semen-blinjaev@rambler.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1686-1214>).

Semen N. BLINYAEV

**SOLDIERS' UNREST DURING MOBILIZATION
IN THE TERRITORY OF TATARSTAN DURING THE FIRST WORLD WAR
(by the documents of the State Archive of the Republic of Tatarstan)**

***Key words:** Kazan governorate, mobilization, deviant behavior, mass unrest, ab-reaction, pogroms of wine shops, theory of functional ethnic conflict, theory of social conflict.*

The purpose of the publication is to restore the event and the ethno-psychological aspects of mobilization of 1914 in Kazan province within the territories that are currently administratively make part of the Republic of Tatarstan. The novelty of the work consists in studying the issue of soldiers' unrest and illegal actions of other social strata of Kazan governorate during soldiers' conscription in July 1914. Unpublished archival sources of the State Archive of the Republic of Tatarstan were the basis for studying the aspects of the issue of coordinating the actions of power and municipal state structures in the person of municipal government and local military leadership with various ethnic and social groups of the local population during conscription at the beginning of the First World War. The destructive component of soldiers' unrest and riots is considered in the context of social conflict theory developed by the political analyst T. Skochpol and the concept of functional intra-ethnic conflict created by the cultural studies scholar, sociologist and ethnologist S.V. Lurie. The issues of the dynamics in the expression of deviant behavior of conscripted servicemen in Kazan, Laishevsky, Spassky and Chistopol uyezds of Kazan governorate are elucidated. Attention is paid to the social, ethnic, psychological and religious motives of the lower ranks' riots in the region. Such an important aspect of the problem as the causes of unfavorable mobilization course within the borders of the governorate at the beginning of the war is studied. The article identifies and touches upon the issue of the main forms of social aggression in the soldier masses, the trigger of which was introduction of the "prohibition law".

References

1. Akimov V.T. *Istoricheskii ehkurs v problematiku massovykh besporyadkov* [A historical digression into the problems of mass riots]. *Vestnik nauki i obrazovaniya*, 2019, no. 10-4(64), pp. 100–104.

2. Alekseev I.A. «Pri maleishikh popytках uchinit' ulichnye besporyadki ... vinovnye v tom budut zaderzhivat'sya, i predavat'sya sudu» (Iz istorii predotvrashcheniya nemetskogo pogroma v Kazani v nachale Pervoi mirovoi voiny) ["At the slightest attempt to cause street riots ... the perpetrators will be detained and brought to justice" (From the history of preventing the German pogrom in Kazan at the beginning of the First World War)]. *ANKO*, 2007, no. 1(11), pp. 45–50.

3. Blinyaev S.N., Shirokov O.N. *Istoriografiya problemy soldatskikh volnenii vo vremya provedeniya mobilizatsii v gody Pervoi mirovoi voiny* [Historiography of the Problem of

Soldiers' Unrest During Mobilization in the Years of the First World War]. *Historical Search*, 2021. vol. 2, no. 3, pp. 59–68.

4. Blinyaev S.N., Shirokov O.N. *Vvedenie «sukhogo zakona» v Kazanskoj gubernii v gody Pervoi mirovoi voiny* [Introduction of the Dry Law in the Kazan Governorate during the World War I]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta*, 2018, vol. 160, book 3, pp. 665–676.

5. Gadel'shin I.Z. *Mobilizatsiya v armiyu naseleniya Bashkirii v gody Pervoi mirovoi voiny* [Mobilization of the population of Bashkiria into the army during the First World War]. *Novye rossijskie gumanitarnye issledovaniya*, 2008, no. 3. Available at: http://www.nrgumis.ru/articles/article_full.php?aid (Access Date 2022, October 23).

6. *Gosudarstbennyi arkhiv Respubliki Tatarstan. Fond 1. Opis 4. Document 5735* [State Archive of the Republic of Tatarstan. Archives 1. Anagraph 4. Document 5735].

7. *Istoriya Tatarstana (1900–1995 gg.)* [History of Tatarstan (1900–1995)]. Elabuga, Elabuga State Pedagogical University Publ., 1997, 41 p.

8. Lur'e S.V. *Metamorfozy traditsionnogo soznaniya. Opyt razrabotki teoreticheskikh osnov ehtnopsikhologii i ikh primeneniya k analizu istoricheskogo i ehtnograficheskogo materiala* [Metamorphoses of traditional consciousness. Experience in developing the theoretical foundations of ethnopsychology and their application to the analysis of historical and ethnographic material]. St. Petersburg, 1994, 288 p.

9. Nizamova M.S. *Deyatel'nost' chistopol'skogo zemskogo samoupravleniya v kontse XIX – nachale XX vv.* [The activities of the Chistopol zemstvo self — government in the late XIX – early XX centuries], 2014. Available at: <https://chisto-muzei.ru/2014/03/deyatelnost-chistopolskogo-zemskogo-samoupravleniya-v-konce-xix-nachale-xx-yy> (Access Date 2022, October 25).

10. Esikova M.M., Kabytov P.S., Samokhin K.V., eds. *Pervaya mirovaya voina i voennomobilizatsionnye meropriyatiya v Srednem Povolzh'e i Tsentral'nom Chernozem'e* [The First World War and military mobilization measures in the Middle Volga Region and the Central Chernozem region]. Moscow, Novy Chronograph, 2015, 288 p.

11. Skochpol T. *Gosudarstva i sotsial'nye revolyutsii: sravnitel'nyi analiz Frantsii, Rossii i Kitaya* [States and Social Revolutions: A comparative analysis of France, Russia and China]. Moscow, 2017, 552 p.

12. Fadeev D. I. *Uklonenie ot voinskoj sluzhby v gody Pervoi mirovoi voiny (1914 – fevral' 1917 gg.) v Kazanskoj i Simbirskoj guberniyakh* [Evasion from military service during the First World War (1914 – February 1917) in the Kazan and Simbirsk provinces]. *Molodoi uchenyi*, 2015, no. 19(99), pp. 667–670.

SEMEN N. BLINYAEV – Candidate of Historical Sciences, Teacher of History and Social Studies, Secondary School No. 19, Russia, Cheboksary (semen-blinjaev@rambler.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1686-1214>).

Формат цитирования: Блиняев С.Н. Солдатские беспорядки во время проведения мобилизации на территории Татарстана в годы Первой Мировой войны (по документам Государственного архива Республики Татарстан) // Исторический поиск / Historical Search. – 2022. – Т. 3, № 4. – С. 5–16. DOI: 10.47026/2712-9454-2022-3-4-5-16.